

Решение проблемы становления феномена гражданина в России не может быть однозначным и окончательным. Российская публичная сфера характеризуется разделением на федеральный центр, в котором доминирует официальный дискурс, пытающийся представить искусственно конструируемую «публику» в качестве единой российской нации, и периферийные публичные сферы, отличающиеся фрагментарностью. Альтернативные публичные сферы существуют вне «большой» политики. В силу этого определенные возможности становления гражданина сохраняются, но их реализация зависит от того, насколько удастся наладить коммуникацию между различными оппозиционными и периферийными публикациями, преодолеть разрыв между центром и периферией и выйти на уровень федеральной политики. Только с возвращением политического плюрализма в публичную сферу возможно развитие либерально-демократической политической культуры и этоса гражданина, призванного вдохнуть в россиян веру в собственную политическую субъектность и способность наполнить реальным содержанием демократические институты. «Общество окутано “дурной верой”, будто покрыто пленкой лжи, однако сама возможность “дурной веры” свидетельствует о реальности свободы. Человек может пребывать в “дурной вере” только потому, что свободен и не хочет смотреть в лицо своей свободе. Все попытки убежать от нее обречены на неудачу, ибо, как прекрасно сказал Сартр, «человек обречен быть свободным» [Бергер 1996]. Добавлю лишь, что «дурная вера» – это вера в отсутствие выбора, в полную детерминированность жизни и деятельности человека социальными институтами и предписанными властью порядками, нормами и ролями. Выбор есть всегда, как есть и свобода – быть подданным или гражданином.

2.3. О справедливости: мера свободы и равенства в политических и правовых институтах и практиках

Вопрос о соотношении эгалитарного и элитарного начал в жизни современного российского гражданина связан с осмыслением степени воплощения равенства, свободы и справедливости как в представлениях россиян, так и в функционировании политических и иных институтов. Это требует анализа реализации формальных и неформальных норм в конкретных практиках взаимодействия органов государства (правлящей элиты) и граждан. Такой анализ позволит сравнить статусы рядового россиянина и представителя элиты, выявить наличие или отсутствие, а также основы правового и политического неравенства, определить перспективы станов-

ления справедливого политического режима в нашей стране. Реализуется ли в России конституционный формально-правовой статус гражданина для всех, кто по паспорту является гражданином РФ? Насколько он универсален, есть ли различия в объеме и спектре прав гражданина в отношении представителей органов государственной власти и остальных граждан? Ответ на эти вопросы потребует выявления факторов, лежащих в основании правовой и политической систем российского общества.

Эгалитаризм как явление ментальное – это степень представленности в общественном и индивидуальном сознании установки на достижение равенства и справедливости. Но это еще и мера реализации этой установки в политических и правовых институтах и практиках различных социальных субъектов. В либерально-демократических обществах справедливость понимается как высшая степень согласованности различных интересов, воплощенная в такой политической системе, при которой соблюдаются условия для достижения максимума свободы для возможно большего числа индивидов; это равенство в свободе по универсальному закону. Существуют и другие религиозные, идеологические и иные варианты понимания и институционального осуществления равенства и свободы. Наибольшая вероятность практического воплощения эгалитаризма связана с достижением формально-правового равенства и справедливости в сфере права. Политическое равенство в рамках Модерна связано с универсальностью конституционного статуса гражданина в национальном государстве, с реализацией основных политических прав каждым гражданином.

Под элитаризмом мы подразумеваем установку на социальную селекцию, отбор лучших (по конкретно-историческим параметрам) представителей общества для выработки ценностных смыслов, стратегических целей и средств развития конкретного общества, для управления обществом и государством. Элитаризм воплощается в конкретных социокультурных практиках и институтах формирования, функционирования и смены элиты, прежде всего правящей, и в конкретном способе ее взаимодействия с обществом. В демократических обществах социальная селекция происходит на основе принципов свободы личности, ограниченной законом. Отбор в элиту становится итогом кумулятивного соединения процессов самоорганизации и вертикальной мобильности, при которых шансы каждого на инкорпорацию в элиту определяются комбинацией таких факторов, как происхождение, богатство, место индивида во властной иерархии, но с акцентом на личных достижениях, профессиональных качествах, навыках, опыте. «Суть свободы индивида заключается в возможности отклониться от традиционного образа мыслей и действий. Централизован-

ное планирование препятствует планированию со стороны индивида», – утверждал Л. фон Мизес [Мизес 2001: 274]. Элита – доминирующий социальный слой, состоящий из специализированных групп (экономических, политических и т.д.), интегрирующихся вокруг группового интереса, с одной стороны, и конкурирующих между собой – с другой. Эти группы контролируют значительную часть общественных ресурсов, влияют на формирование политики во всех сферах общества, они занимают высшие места в системе социальной иерархии, осуществляют функции управления, «формируют и демонстрируют эталоны поведения в данном обществе» [Шабурова 1998: 1031–1032]. Ключевым является вопрос об основании для формирования элиты в конкретном социально-политическом контексте. Существенной характеристикой элиты является этап ее существования: если возникновение новой элиты связано со сменой политического режима, с новациями во многих сферах жизни, в том числе, в сфере идеологии, то элита, уже обладающая властью, стремится к преемственности власти, ее наследованию, к традиционализму и консерватизму.

Эффективность элиты в управлении обществом в целях достижения общего блага зависит от комплекса условий: систематического действия социальной селекции на основе ясных критериев, наличия социальных лифтов, вертикальной мобильности, доступа в элиту, открытости ее для общественного контроля, честной конкуренции, юридической, административной, политической ответственности элиты. Главным критерием эффективности элиты является достигнутый в результате управленческой деятельности уровень развития общества и государства, качество решения социальных и политических проблем, качество жизни граждан данного государства.

Политический проект Модерна требует установления баланса между эгалитарным и элитарным принципами, который достигается в рамках конструкции правового государства и гражданского общества. Важна в этом роль медиативных структур, опосредствующих взаимодействие социальных групп, правящей элиты и общества и способствующих выработке согласия по важным социальным проблемам. Верховенство правового закона распространяется и на представителей органов власти, они – граждане, юридически равные в правах и обязанностях с другими гражданами, в качестве публичных лиц обязаны нести дополнительную ответственность перед обществом.

Возможность реализации на российской почве правового эгалитаризма, суть которого выражает принцип верховенства права, обусловлена преемственностью системы права, а также традиционными и современными представлениями россиян о праве, государстве, правовом равенстве

и справедливости, воплощенными в осознанных и не осознаваемых представлениях, практиках и институтах. В российской истории устойчивые представления о верховенстве права и равенстве перед законом не стали основой правовых и политических институтов и поведения людей. В политико-правовой системе современной России действует два ряда институтов – официальных и фактических, неправовых институтов, действующих из-за фасада первых. Не абстрактное понимание лица, а в зависимости от социального статуса и места во властной иерархии, отсутствие правовых традиций и механизмов представительства, корпорации и компетенции на практике ведет к тому, что в государственных отношениях в России действует не равное для всех, абстрактное право как единая система, а право как произвол конкретных личностей. Исторические примеры такого «права» – произвол одного лица в Российской империи и произвол высшей партийной бюрократии в СССР. В настоящее время лица, призванные представлять тот или иной орган юридического лица «государство» или юридического лица «фирма», почти не отделяют собственную персону от ресурсов данного учреждения и рассматривают их как частную собственность или средство обмена личными услугами с представителями других органов государства или фирм.

Официальные институты российского государства имитируют демократическую политическую систему, реальные функции управления и распоряжения ресурсами исполняют неформальные структуры, действующие вне рамок права и подчиняющиеся конкретным лицам, их союзам, кланам, «группам влияния», «домашним группам» на разных уровнях власти. М. Н. Афанасьев исследовал «неофициальные» особенности функционирования центральных органов исполнительной власти и проведения важных институциональных реформ – государственной службы, вооруженных сил, органов государственной безопасности; политическое содержание института президентских представителей» [Афанасьев 2000: 168]. В качестве устойчиво воспроизводящегося в российской истории способа отношения управляющих к управляемым, канона их взаимодействия, данный автор рассматривает личные отношения господства и покровительства, или отношения «патронов» и «клиентов». Этот способ лежит в основе и нынешней политической системы России. В качестве «патрона» выступает сегодняшний российский властвующий слой – постноменклатурный патронат.

Аппарат государственной власти внешне воспроизводит свойства структуры, но пределы компетенции и ответственности должностных лиц юридически не определены. Разделение властей остается декларативным. Власть не ограничена правом и не контролируется обществом. Представи-

тельство, корпорация и компетенция лиц осуществляется неправовыми способами. Реальное существование данных феноменов проблематично. Там, где отсутствуют корпорации, невозможно установить круг лиц, участвующих в формировании коллективной воли. Вместо волеизъявления корпорации (в том числе государства) в России действует произвол конкретной личности, обладающей властью, или произвол приближенных к ней лиц под ее именем. В России не правовые критерии формирования коллективной воли объединений лиц. Санционирующая воля вышестоящего государственного органа и должностного лица для представителей нижестоящих органов является лишь директивой, но не обязывает к исполнению в юридическом смысле. Ее исполнение может достигаться лишь принуждением. Вместо представительства как юридически связывающего делегирования прав в Российской империи представительство осуществлялось посредством доверия, эта практика не подразумевала юридических ограничений. В настоящее время президент вводит меру увольнения чиновников «в связи с утратой доверия». Что это, как не возвращение архаических практик?

Российское мышление и культура строятся на основе не рациональных, правовых, а аксиологических принципов. Право и этика содержательно не разделены. Различия между ними имеют внешний характер: специфика правовых норм заключается в том, что они исходят от власти законодателя, но законодатель у нас полностью зависит от исполнительной власти, не автономен. В работе Е. Шульман подробно исследуется процесс формирования модели российского парламента, полностью контролируемого администрацией президента, раскрывается политическая технология такого управления законотворческим процессом и делается вывод о деградации парламентаризма в современной России, о его реальной непубличности и противоположной нацеленности по отношению к подлинным функциям – решению проблем общества [Шульман 2014]. В России с 1997 по 2011 годы было принято 80 новых редакций Уголовного кодекса и с 2002 года – 40 версий Гражданско-правового кодекса. Исследователи отмечают, что количество принятых законов или поправок к ним не свидетельствует об эффективности законотворческого процесса, наоборот, это обесценивает закон в глазах и правоприменителей, и субъектов правоотношений. Уважение к закону возникает, если он устойчив во времени, создает основы правовой стабильности и противостоит конъюнктуре [Шульман 2014: 84]. «В общем количестве проектов, одобренных Государственной думой, постоянно увеличивается доля тех, которые были внесены президентом и правительством. К 2012 году из 334 новых федеральных законов, подписанных президентом, было внесено правительст-

вом 184, президентом – 45. В 2013-м президент подписал 448 законов, из них правительственных инициатив 251, президентских – 29» [Шульман 2014: 104]. С учетом того, что ни граждане, ни их объединения не обладают правом законодательной инициативы, и особенностей избирательной системы и системы представительства в России, не допускающей политической конкуренции, становится понятным, в чьих интересах принимаются законы и почему общее благо оказывается за рамками деятельности парламента.

На протяжении российской истории исключительно этические нормы могли связывать и ограничивать действия верховной власти, но эффективность этого регулятора была крайне низкой. Действия чиновника оцениваются общественным мнением не как действия абстрактного лица, представляющего тот или иной орган государства, а с точки зрения этических представлений о должном поведении идеального чиновника. Нет различия между поведением человека как конкретной частной личности и его поведением как должностного лица. При исполнении должности чиновник ведет себя как частное лицо, внешне играя роль лица должностного. В России до недавнего времени не было дифференциации между государством, отвечающим за право, и обществом, отвечающим за этическую регуляцию общественных отношений.

В России принцип верховенства права был и остается этической ценностью, не обязательной для исполнения, юридически не связывающей ни власть, ни граждан. У нас никогда не действовало право, отделенное от власти. Принципы уравнивающего граждан права не применялись в качестве основы для регулирования межличностных, общественных и государственных отношений. В массовой культуре доминирует тенденция инверсии должного и сущего, утопии и реальности. Разочарование в какой-то утопии порождает ее отрицание и нигилизм, бунт, анархию, и так – до рождения следующей утопии. Постепенного сближения, медиации культурных проектов и реальности не происходит. Опосредованность отношений между любыми социальными субъектами отношениями с органами государства не дает достаточной автономии местным сообществам и альтернативным политическим субъектам.

Формально реформа правовой системы в России завершена, но фактически между принятыми законами, учрежденными институтами и реальным функционированием правовой системы в России, определяющим наличный правовой статус и конкретные права частных лиц, выявляется системное несоответствие. В последние годы усилилась регулирующая роль государства и сузилась самостоятельность субъектов частного права. Правоохранительная система не является универсальным инструментом

достижения формальной справедливости для всех. Результаты исследования общественного мнения о состоянии российской судебной системы и месте правовых отношений в общественной жизни показывают следующее. Люди осознают, что «юридические службы работают на “хозяина”, прежде всего – на государство, затем – работодателя и других влиятельных клиентов» [Гудков, Дубин, Зоркая 2010: 8], а интересы и права частного человека правоохранные и судебные органы по правовым основаниям или соображениям справедливости защищать не будут. В обществе с традиционалистской бюрократией и иерархической социальной структурой кодом социальности является не право, а лояльность «своим». Механизмы регуляции посредством формальных норм закона не работают, пока не подключена активность вышестоящих, для которых ты «свой». Законы и право работают по заказу, избирательно, в зависимости от социального статуса индивида, его отношения к властной иерархии. Правовая и политическая культура разных социальных групп существенно отличается. Есть категории лиц, готовых часто обращаться в суд. Однако довольно большая группа населения относится к суду как институту, обслуживающему интересы властных либо богатых, с которым рядовому гражданину сложно иметь дело. 49 % респондентов уверены, что они не в состоянии защитить свои интересы и права в суде, 12 % затруднились с ответом, то есть 61 % людей скептически воспринимает суд [Гудков, Дубин, Зоркая 2010: 9]. Большинству граждан присуще неверие в то, что суд будет отстаивать права обычного человека так же, как он бы это делал в отношении прав «начальства». В сознании людей устойчив стереотип о негласном запрете судиться с государством или должностными лицами. За этим стоит нигилистическое отношение к судебной системе и ее эффективности, неверие в собственные способности добиться справедливости, как и в солидарные действия людей с похожими проблемами и нарушениями прав. Респонденты считают, что спор с частными лицами или представителями ведомств, должностными лицами и организациями требует разных линий поведения. Только 25 % опрошенных готовы довести дело до суда, остальные предпочитают улаживать конфликты либо путем легальным («договориться»), либо нелегальным. Ради защиты политических, интеллектуальных и хозяйственных прав многие вообще предпочитают не ходить в суд. Выделяются разные причины отказа от обращения в суд: 1) есть способы решения конфликта без суда – 22 %; 2) бесперспективность суда для респондента, поскольку отсутствуют нормы и механизмы справедливой компенсации потерпевшим даже в случае выигранного дела; 3) высокая затратность суда (денежная, временная, нервная и т.д.); 4) коррупционные или криминальные моменты; 5) неверие в спра-

ведливость суда – около 26 %. Недоверие большинства населения к судебной системе детерминируется отсутствием независимости судов от власти и неподконтрольностью обществу. Однако это недоверие основано не на опыте, а на устойчивом социальном предубеждении, негативном представлении о характере и возможностях судебной системы, ее равнодушии к интересам и правам «простых граждан».

Правовой культуре людей присущ разрыв между представлением о том, как должна быть устроена судебная система, и как она действительно работает [Гудков, Дубин, Зоркая 2010: 14]. Правовой нигилизм и недоверие к суду сочетается с представлением об использовании правовых институтов исключительно в интересах власти – для перераспределения собственности, защиты бюрократов, борьбы против правозащитников и оппозиционеров. Юридический пессимизм населения мешает видеть возможность изменения этого положения дел. Борьба с несправедливостью воспринимается как обреченная на поражение и удел отдельных «городских сумасшедших». Население ощущает, что причиной многих преступлений и несправедливости в обществе является произвол власти, состояние законодательства (доминирование подзаконных актов, ведомственных инструкций, внутрикорпоративных негласных правил жизни над собственно законами) и правоприменительная практика, ориентированная на интересы власти. Одна из самых устойчивых установок – беспомощность обычного человека перед государством или должностными лицами, его незащищенность и бессилие что-либо изменить. Собственные погрешности перед законом население оправдывает систематическими и более масштабными правонарушениями со стороны властей, их безнаказанностью. Эффективной работе судов препятствует и отсутствие равенства сторон в судебном процессе, заведомое преимущество чиновников перед рядовыми гражданами – 25 % [Гудков, Дубин, Зоркая 2010: 23]. Однако и остальные факторы – взяточничество, коррупция судебных работников (56 %), зависимость суда от власти и влиятельных лиц (46 %) – препятствуют установлению формально-правового равенства граждан и правового государства в России. Вера в право, справедливость, возможность непредвзятого правосудия присутствует в культуре россиян в качестве представления о должном, которое абсолютно не реализуемо в ближайшее будущее и противоречит практической жизни. Граждане редко считают себя и являются фактически правовыми субъектами. Развитие правовой культуры блокируется недоверием к суду и государству, которое формируется опытом коллективной жизни в условиях массового бесправия и произвола власти.

Законодательные нормы РФ, касающиеся публично-правовых обязанностей властных структур, приводящих в действие механизм ограни-

чений прав и свобод человека и гражданина в России и обеспечивающих условия его реализации, лишены необходимой конкретности и дифференцированности, допускают их произвольное толкование и не предусматривают юридических механизмов их исполнения. То же самое относится к нормам о допустимости публичного вмешательства в процессы реализации человеком его прав и свобод и об ответственности должностных лиц и органов государства перед гражданами. Законодательство и правоприменительная практика допускают лишь избирательную ответственность отдельных чиновников-изгоев, но в целом стоят на страже безнаказанности злоупотреблений и прямых преступлений должностных лиц. Традиционным основанием системы власти в России, порождающим политическое, правовое и социальное неравенство, является «правовой иммунитет российской власти» [Пастухов 2011: 169]. Суды общей юрисдикции не выдерживают баланса между свободой выражения мнения и необходимостью защиты достоинства личности, отдавая зачастую необоснованное предпочтение гражданско-правовому институту чести, достоинства и деловой репутации в ущерб конституционной свободе мысли и слова. Этот правовой институт чаще всего используют должностные лица. В России отсутствует развернутый комплекс федеральных законов, направленных на защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина [Астафичев 2011: 11].

О неравенстве социальном и экономическом, о серьезной социальной поляризации российского общества также свидетельствуют многие исследования. Для общественного благополучия и отсутствия социальной напряженности неравенство должно находиться в определенных рамках. Здесь важен не только объективный уровень неравенства, но и его восприятие. «...восприятие неравенства зависит от способности тех, кто выше, навязать тем, кто ниже, отношение к чужому благополучию или от неспособности (способности) тех, кто ниже, выработать и, что не менее важно, внятно артикулировать свое отношение к чужому благополучию» [Костарев 2015: 7]. Происходит существенное изменение во взглядах россиян на справедливость, приемлемость глубокого социального неравенства на протяжении последних пятнадцати лет. Однако вопрос о причинах этого не однозначен. Есть мнение, что «современные россияне стали более лояльно относиться к ситуации неравенства доходов в обществе, потому что для большинства из них эта ситуация перестала быть настолько болезненной» и что в силу некоторого повышения благосостояния граждан в 2000–2010-е годы и уменьшения числа бедных неравенство сохранилось, но «стало восприниматься как нечто приемлемое, допустимое» [Руденкин 2014: 239-240]. Шагов от сдержанной критики к выражению

практической потребности в конструировании проекта будущего ни одна из групп общества не совершает. Однако нельзя не учитывать и манипулятивные технологии воздействия на массовое сознание со стороны политической элиты, уголовное преследование лидеров оппозиции, разоблачающих роскошные владения, запредельные доходы, коррупцию и безнаказанность преступлений, совершенных должностными лицами, а также разнообразное давление на общественные объединения и политические партии, способные сформулировать общественный запрос на справедливость. В ситуации экономического кризиса, отсутствия каналов вертикальной мобильности, отсутствия зависимости между трудовыми усилиями, предпринимательской активностью и материальным и социальным благополучием, а также вопиющей разницы между привилегиями одних и нереализуемостью элементарных гражданских прав других, усиливается стремление к перераспределению богатства и собственности, в том числе неправовыми и насильственными способами.

Обратимся к вопросу о реализации элитарного начала. При анализе специфики существования и характера российской элиты необходимо учитывать несоответствие названия и сути явления. Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин и Ю. А. Левада называют это социальное образование околовластными кругами, аудиторией власти, «полусветом» полицейского режима», поскольку ни одной из функциональных ролей элиты оно не выполняет [Гудков, Дубин, Левада 2007: 75]. Российская квазиэлита, составляющая 10-15 % населения, – это слой специалистов, обслуживающих авторитарное руководство, заместитель советской интеллигенции. В комплектовании этой «назначенной элиты» участвуют лишь государственные органы, по сути, это государственная бюрократия, несколько трансформировавшаяся в постсоветском контексте. Она не обладает никакой самостоятельностью и не призвана к реализации общественно значимых целей, не имеет собственной воли и функций целеполагания, обсуждения или критики политики. Такая «элита» обеспечивает отраслевое директивное управление, кадровый контроль, легитимацию политического режима путем ограничения свободы информации, пропаганды, пиара, убеждения. Подобно свирепому стражу Церберу, это слой, который, имитируя посредничество и коммуникацию, фактически изолирует власть от общества. Главная функция такой «элиты» – сохранение нынешнего режима власти с помощью инструментального поддержания определенной управляемости общества. Этот слой имеет не публичный, закрытый характер, механизм социальной селекции в состав «элиты» не прозрачен. Эта квазиэлита является проводником и опорой политического режима, ведущего общество к архаизации и деградации.

Главная задача современного государства состоит в обеспечении высокого качества жизни его граждан, это утверждение декларировалось в высказываниях представителей элиты нашего государства. Этот параметр можно взять и в качестве основы для оценки эффективности правящего режима и деятельности элиты. Исследования качества жизни в разных государствах много лет проводятся неправительственной организацией International Living. На основании комплексного показателя, включающего стоимость жизни, культуру и досуг, экономику, состояние окружающей среды, свободу, здоровье, инфраструктуру, безопасность и риск, климат, определяется индекс качества жизни. Для постсоветской России индекс качества жизни составил 54, и она заняла 115 место из 192 в одном ряду с Гайаной, Замбией, Кувейтом, Кыргызстаном и другими подобными государствами [Нисневич 2013: 101]. Интересны индексы человеческого развития, благосостояния, уровня удовлетворенности жизнью, счастья и т. д. По всем ним Россия не дотягивает даже до средних показателей. Одним из важнейших факторов, влияющих на качество жизни, является качество управления государством. Это имеет непосредственное отношение к оценке эффективности деятельности российской государственной элиты. В общий комплексный критерий оценки качества жизни входят разные параметры государственного управления: учет мнения населения и подотчетность (политические права, гражданские свободы, степень участия граждан в выборах государственной власти, степень свободы выражения мнения, свободы объединений); политическая стабильность и отсутствие насилия; эффективность государственного управления; качество законодательства; верховенство закона; контроль коррупции. «...в 2010 г. для постсоветской России значения этих индексов и соответствующие им места в рейтинге составили: – индекс учета мнения населения и подотчетности (-0,9446) или в нормированном представлении 0,31 и 168 место из 212 между Габонем и Кыргызстаном; – индекс политической стабильности и отсутствия насилия (-0,887) или в нормированном представлении 0,44 и 174 место между Индонезией и Египтом; – индекс эффективности государственного управления (-0,394) или в нормированном представлении 0,42 и 123 место из 210 между Лесото и Малави; индекс качества законодательства (-0,3948) или в нормированном представлении 0,42 и 130 место из 210 между Гамбией и Мальдивскими островами; – индекс верховенства закона (-0,7837) или в нормированном представлении 0,34 и 157 место из 212 между Бангладеш и Пакистаном; – индекс контроля коррупции (-1,074) или в нормированном представлении 0,28 и 183 место между Кыргызстаном и Бурунди» [Нисневич 2013: 103–104]. Понятно, почему высшие лица государства стремятся вытеснить из России и международные

неправительственные организации, и отечественные некоммерческие организации, занимающиеся социологическими исследованиями, – слишком очевиден контраст реального положения дел в России и великодержавных амбиций высших должностных лиц.

Комплекс качеств российской «элиты» детерминируется ее зависимостью от верховной власти. С середины 1990-х гг. власть сумела вторично переподчинить едва обретающее свободу и самостоятельность общество путем формирования выгодного ей законодательства (в том числе избирательного) и реальной политики, направленной на подавление общественного представительства, ослабление общественных движений, политических партий, ликвидацию политической конкуренции путем ограничения свободы СМИ, опору на силовые структуры, усиление вмешательства государства в экономику. В настоящее время власть с помощью «элиты» всячески глушит стремление общества к формированию разнообразных каналов и механизмов селекции элиты путем отбора лидеров из разных областей жизни, обладающих значительным творческим и инновационным потенциалом, способных вносить проекты обновления соответствующих сфер общественной жизни в целях развития общества. Декларируя необходимость развития «кадрового резерва» и «социальных лифтов» для молодежи, корпоративно-олигархическая власть на деле воспроизводит советскую по происхождению систему «назначения элиты», действующую по номенклатурному принципу.

Функции элиты власть возлагает на окол властные группы, которые лишены необходимых ресурсов, а потому не способны повести страну по пути модернизации. Снижается уровень управленческой компетентности этих групп. Это связано и с реальным прекращением реформ 1990-х годов, и с притоком в окол властные группы представителей силовых и репрессивных органов власти, для которых главным средством решения социальных проблем является принуждение путем прямого или косвенного насилия. Нынешний политический режим держится не только на исторически заложенном страхе населения перед потенциальным насилием или перед публичным выражением индивидуального мнения, но и на массовой апатии и реальном отчуждении населения от политики, неверии его в возможность какого-либо участия в решении своих проблем, даже минимального влияния на принятие важнейших политических решений. Лояльность окол властных групп центральному руководству обеспечена приближенностью к власти и вытекающими из этого привилегиями и выгодами. Эти группы исполняют «высшую волю» ценой отказа от собственной политической воли и автономии и ценой подавления этих качеств в массах. Они блокируют институты и механизмы представительства пуб-

личных и групповых интересов, существенно ограничивают публичное обсуждение социальных проблем и политических решений.

Постсоветская квазиэлита – продукт селекции определенных человеческих типов, в нее отбирается «тип безынициативного приспособленца», лишенного каких-либо достоинств, который выступает «клеем», связующим элементом власти и массы [Гудков, Дубин, Левада 2007: 200]. Этот тип характеризует принципиальная неспособность выдвижения стратегических целей развития, выработки программных альтернатив развития страны, готовность к подчинению, нацеленность исключительно на обслуживание власти и интересы самовоспроизводства. Ему свойствен прагматизм, показная преданность хозяину, носителю «государственной воли», готовность показать знание или отбросить любые идеологические принципы в зависимости от политической конъюнктуры, умение симулировать занятость, казаться «государственником» и «патриотом», цинизм, аморализм, корыстолюбие. Все, кто способен помешать интересам элиты, нейтрализуются как конкуренты. Номенклатурная «обойма» выдавливает из своей системы все иные социальные типы как «чужаков». «Приспособленец» является носителем господствующей политической культуры, он связывает все другие социальные и политические роли в систему власти и авторитарный режим. Квазиэлите чужды идеи деэтизации, высвобождения общественной самоорганизации, признания необходимости автономии общественных сил, политической конкуренции. Выступая в качестве мировоззренческой основы квазиэлиты, этизм препятствует утверждению ценностей свободы выбора, ответственности, разнообразия и самостоятельности политических акторов, необходимости реальных механизмов представительства и согласования интересов. Отсутствие отбора достойных в элиту, с одной стороны, и механизмов представительства, с другой, – факторы все большего отдаления правящей группировки и общества друг от друга. Утверждаемая квазиэлитой идея безальтернативности власти, временно легитимирующая данный режим, принижает человеческий, лидерский и политический потенциал российского общества. Это слабая легитимация, она действует, лишь пока общество верит в навязываемые ему негативные оценки – собственное бессилие и неспособность что-либо изменить. Власть и ее «приводные ремни» не только отстраняют собственных критиков и слабых претендентов, но и препятствуют формированию политического и правового сознания общества и условий для развития даже потенциальных политических конкурентов. Цель сохранения монополии правящей группировки – это вопрос самосохранения зависимой от нее квазиэлиты и консервации привилегий. Осуществляемая элитой практическая политика не учитывает дифференциации общества,

его потребностей, неэффективности централизованного управления в ущерб местному и территориальному самоуправлению, необходимости опоры на множество социальных и политических субъектов. Экономика и общество находятся в плену у государства, приватизированного квазиэлитой. Собственные частно-корпоративные интересы она рассматривает в качестве государственных. Обособления элиты от государства не произошло. Руководители бизнеса, масс-медиа, деятели науки и искусства, экспертные сообщества, способные к разработке стратегии развития страны, оттеснены от публичной сферы и принятия политических решений, находятся под давлением властей. Однако политика, ограниченная исключительно целями самосохранения элиты, рано или поздно приводит к противоположному результату.

Замкнутость квазиэлиты обусловлена стремлением сохранить «тайну власти» – владения ресурсами общества как будто по праву, заслуженно, на основе исключительных личных или профессиональных качеств, а также нежеланием поступиться частью функций и полномочий, привилегий и властных ресурсов. Открытый для более широкого круга претендентов доступ в элиту потребовал бы коренного изменения политического режима и условий функционирования данного слоя. Неминуемо бы возник вопрос о способах прихода к власти нынешней элиты, о механизмах приватизации власти-собственности, об ответственности должностных лиц за исполняемые обязанности не перед вышестоящими лицами, а перед представительными органами государства и обществом. Зависимое и неустойчивое положение квазиэлиты определяет ее социальную неуверенность, стремление быстро приватизировать ресурсы общества, страх перед волей верховной власти и непредсказуемостью социально-политической ситуации в стране.

Элитарное начало в России реализуется специфическим образом. Высшие управленческие функции и статус приобретаются в силу близости к формальным и неформальным властным структурам. Это «элитарность» симулятивная, нелегитимная, самозванная, зависимая от верховной власти, несвободная, трусливая, лицемерная, безответственная. Российская элита целенаправленно монополизировала и перекрыла все возможные пути вертикальной мобильности и каналы инкорпорации в элиту, особенно политическую: политические выборы, партии, общественные движения, оппозицию, систему образования и науку. В результате возможность демократической смены первых лиц государства легальным путем отсутствует. Выборы превратились в ритуал, фикцию. Первые лица «выбираются» внутри узкой группы правящей элиты неформальным и не прозрачным для общества способом. В структуре государственного

управления переплетены два ряда формальных и неформальных институтов, напоминающих времена опричнины. Политический режим и система сегодняшней России характеризуется как кланократия (вместо республики) с соответствующими признаками – наличием вождя, опорой на ресурсы клана, системой одаривания, внепубличностью. Утвердились механизмы отрицательной селекции, на высокие государственные должности назначаются люди, обладающие не самыми высокими интеллектуальными и организационными качествами и не способные составить конкуренцию первым лицам действующей власти. Поскольку этот механизм действует одинаково по всей «вертикали», «общество не получает лидеров» [Пригожин 2011: 3]. Систематические призывы к созданию кадрового резерва для государственного и муниципального управления свидетельствуют о нарастающем дефиците эффективных управленцев на всех уровнях власти.

Российскую элиту можно рассматривать и чисто функционально – как верхушку правящего класса. «Кланы, клики, стратегические группы и группы давления, внутренние партии, обоймы образуют неформальную структуру элит [Крыштановская 2005: 81]. Корпоративно-олигархический или клановый политический режим основан на сложном переплетении разных форм слияния власти и собственности. После 1991 г. государство оказалось в руках крупных собственников, а после 2000 г. вся значительная собственность в стране начала контролироваться госчиновниками и силовиками. Соответственно менялся и режим инкорпорации в элиту. Мобильность элиты включает три фазы – инкорпорацию, ротацию и экс-корпорацию. Специфические отличия элитной мобильности в России заключаются в действии ряда факторов: 1) высокая конкуренция между кандидатами на должность; 2) неопределенность требований к кандидатам; «связи и случай тут решают больше, чем интеллект, знания и умения»; 3) большая регламентация мобильности; наличие институтов кадрового резерва и резервации для отставных членов; отсутствие открытых конкурсов на замещение вакантных должностей; 4) эзотерические внутригрупповые нормы любых перемещений кадров; 5) неформальная капитализация чиновников [Крыштановская 2005: 101–102].

Открытие элиты во время перестройки и установление выборов в качестве механизма инкорпорации в элиту к эпохе В. В. Путина сменяется реставрацией моноцентрического устройства государства, закрытием элиты, выхолащиванием демократии, политическим отчуждением населения. Нынешний режим ликвидировал самостоятельность таких центров власти, как Государственная Дума, Совет Федерации, региональные элиты, правительство, демократическая оппозиция, бизнес-элита, СМИ, и ус-

становил прямое правление президента, а затем монополию узкой околопрезидентской группы на власть. Прямое следствие этих мер – правовое, политическое и социальное неравенство, чрезвычайная социальная поляризация. Восстановление бюрократической вертикали власти сопровождается уничтожением большинства «социальных лифтов» как механизмов инкорпорации представителей общества в элиту, и в первую очередь свободных выборов как механизма формирования системы представительства и парламента. Установилась милитократия, сочетающая номенклатурные процедуры назначения в элиту и мобилизацию военных в госслужащие. Государство расширило свои контролирующие функции, вплоть до поглощения частного бизнеса, а от функций, стимулирующих развитие общества, избавилось. Внутриэлитные процессы приобрели архаичный характер, как и способы инкорпорации на основе родственных, земляческих, кланово-корпоративных связей и отношений личной преданности. Передача привилегированного статуса – преемничество – факт обычного права элиты, не легитимного, но воспринимаемого чиновничеством в качестве естественного. Верховную власть осуществляет узкая группа лиц (стратегическая элита), составляющая путинское «Политбюро». Данный режим носит неформальный характер, хотя использует официальные политические институты, но опирается именно на неформальную группу, с высокой долей представителей силовых структур.

В России установилась квазитрадиционная система власти и управления, прячущаяся за фасадом модерных политических и правовых институтов и идеологий. Она опирается на доминанту исполнительной власти, по сути, являющейся властью-собственностью, сохраняющей существенные черты «вотчинного самодержавия», сложившегося в эпоху Московского царства [Афанасьев 2000: 83]. Одной из глубинных основ этакратизма как несправедливого политического устройства российского общества является система «власти-собственности» [Шкаратан 2009: 6]. Она препятствует экономической и политической модернизации общества, благоприятствует процветанию «торгового капитала» за счет всех иных видов капитала.

С точки зрения концепции нефеодализма (неопатримониализма), представители которой стремятся установить реальный характер нынешнего политического порядка в России [Фисун 2007; Мартыанов 2016; Гельман 2015; Розов 2016], основой социальной структуры российского общества является объем доступа, роль и статус той или иной группы населения в механизмах рентного политического порядка и распределении ресурсов. Это фундамент образования сословий в российском обществе. Взяв за основу способ получения ренты от государства, С. Кордонский

выделил следующие сословия в российском обществе: 1) служилые сословия (власть) – политические элиты, государственные и муниципальные служащие, силовики; 2) рентозависимое большинство (народ) – бюджетники, пенсионеры, сотрудники естественных монополий; 3) предприниматели (самозанятое население); 4) маргиналы [Кордонский 2008]. Первая группа составляет около 5 % населения, вторая – 65 %, третья – 15 %, четвертая – 15 % [Кордонский, Дехант, Моляренко 2012]. Принадлежность нынешних граждан к сословиям, переход между которыми (вертикальная мобильность) серьезно ограничен, отсутствие социальной свободы, связанное с массой ограничений для населения, включая сужение свободы выбора профессиональной деятельности, архаизируют всю совокупность социальных и политических отношений, порождают сословное право, рентно-сословные экономические обмены, социальное и политическое неравенство. Отсюда множество диспропорций в экономике, политике, социальной структуре, приводящих к вопиющему социальному неравенству, к дисфункциям в структуре профессиональной специализации, общественной оценке престижности видов высшего и среднего профессионального образования, в экономической оценке того или иного труда. Все это приводит к уменьшению социального многообразия – ограничению значимых общественных потребностей, сужению числа социальных лифтов, возможностей карьеры для молодежи, развитию массовой культуры ценой ограничения развития всякой иной культуры, способной вырабатывать критерии формирования элиты, отвечающие целям обновления политической системы.

Один из показателей социального неравенства – степень устойчивости и развития среднего класса. Исследования показывают, что российский средний класс (точнее, средние слои) не растет, а стагнирует. Причины этого – отсутствие экономической среды, способствующей развитию малого бизнеса. Увеличение неравенства за счет более высоких темпов роста доходов 20 % наиболее обеспеченной части населения приводит к тому, что общего роста реальных доходов не хватает для расширения среднего класса [Самсон, Красильникова 2010: 68]. Последние 20 лет в России действуют такие неформальные политические и экономические правила перераспределения ресурсов, благодаря которым осуществляется чрезвычайная концентрация доходов менее чем у 10 % населения.

Общественное сознание фиксирует несправедливость нынешнего политического и социального строя. Однако ощущение несправедливости фрагментарно и ситуативно, к тому же степень манипуляции общественным мнением, усиление пропагандистской работы со стороны государства в сегодняшней России зачастую не позволяют сформироваться сколько-

нибудь независимо от государства общественному мнению. Перехода от глухой критики к выражению практической потребности в конструировании проекта будущего на уровне больших групп общества не происходит. Однако оправдать и мотивировать необходимые изменения «может лишь претензия субъекта на справедливость», в которой должна быть выражена «утопия, будущее «общее благо» [Мартьянов, Фишман 2010: 185]. Отсутствие активного социального заказа на проект справедливого и свободного общества вследствие социальной апатии населения и нежелания властной элиты признать собственный режим управления несправедливым и не допускающим свободы, реформировать его и «поделиться властью» воспроизводит существующее положение вещей. В результате политическая, экономическая и интеллектуальная элиты сдерживают развитие соответствующих проектов, ценности и идеи справедливости как меры равенства и свободы не попадают в поле публичной политики, не рассматриваются в качестве основ практически достижимого будущего. Однако это живые ценности, составляющие пока не слышимый, но устойчивый запрос общества. И это повод для исторического оптимизма.

Литература

Айвазова С.Г. (2006). Семья как пространство частной жизни: новые функции и задачи // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.

Андреева Н. (2009). Как деревня выпала из состава РФ // Новая газ. на Урале. № 24, 11 марта.

Астафичев П.А. (2011). Механизм ограничений прав и свобод человека и гражданина и проблемы его совершенствования // Конституц. и муницип. право. Вып. 1.

Афанасьев М.Н. (2000). Клиентелизм и российская государственность. М.

Бачинин В.А., Сальников В.П. (2000). Философия права. Краткий словарь. СПб.

Бергер П.Л. (1996). Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.

Верховский А., Паин Э. (2010). Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология особого пути в России и Германии. М.

Воеводин Л.Д. (1997). Юридический статус личности в России. М.

Воцанов П. (2004). Номенклатура возвращается // Новая газ. № 77, 18–20 окт.

- Зон Г. Ван. (2007). Культ власти в контексте социальных и экономических отношений в России // Мир России. № 4.
- Гельман В.Я. (2003). Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // ПОЛИС. № 4.
- Гельман В.Я. (2015). Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб.
- Гольц А. (2005). Вся королевская врать // Новая газ. № 17, 10–13 марта.
- Гудков Л.Д. (2004). Негативная идентичность. М.
- Гудков Л.Д. (2009). Условия воспроизводства «советского человека» // Вестн. обществ. мнения. № 2 (100).
- Гудков Л.Д. (2011). Абортивная модернизация. М.
- Гудков Л.Д., Дубин Б., Зоркая Н. (2010). Российская судебная система в мнениях общества // Вестн. обществ. мнения. № 4 (106).
- Гудков Л.Д., Дубин Б. (2005). Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. Т. 9, № 2 (29).
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. (2007). Проблема «элиты» в сегодняшней России: Размышления над результатами социологического исследования. М.
- Даугавет А.Б. (2003). Неформальные практики российской элиты. Апробация когнитивного подхода // ПОЛИС. № 4.
- Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год (2008) // Рос. газ. 14 марта.
- Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год (2009) // Рос. газ. 17 апр.
- Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год (2016) // Рос. газ. 24 марта.
- Зверева Г. (2005). Националистический дискурс и сетевая культура // Pro et Contra. Т. 9, № 2 (29).
- Индекс произвола (2005) // Новая газ. № 07 (1032), 31 янв. – 2 февр.
- Кертман Г.Л. (2006). Государственный патернализм как мера власти и политики // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.
- Климцев В. (2009). Кошмар для предпринимателя // Новая газ. на Урале. № 24, 13 марта.
- Козлова Е.И., Кутафин О.Е. (1995). Конституционное право России. М.
- Кондрашев А.А. (2012а). Конституционно-правовая ответственность высших должностных лиц субъектов РФ: конституционно-правовые аспекты и вопросы реализации в законодательстве // Правоведение. № 6.

Кондрашев А.А. (2012b). Особенности современного формирования политической системы России в контексте характеристики государственного режима // Конституц. и муницип. право. № 5.

Кордонский С. (2008). Сословная структура постсоветской России. М.

Кордонский С.Г., Дехант Д.К., Моляренко О.А. (2012). Сословные компоненты в социальной структуре современной России // Отечеств. записки. № 1.

Костарев А. (2015). Неравенство – до и после // Неприкоснов. запас. № 5 (103).

Кострюкова О.Н., Осипов Г.Р., Саренков А.А. (2007). Семантический анализ концепта «подчинение» в поле оппозиции «приватное – публичное» // ПОЛИС. № 1.

Крыштановская О. (2005). Анатомия российской элиты. М.

Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. (1987). Очерк истории Советской Конституции. М.

Кутковец Т.И., Клямкин И.М. (2002a). Новые люди в старой системе // Новые известия. № 170-171.

Кутковец Т.И., Клямкин И.М. (2002b). Нормальные люди в ненормальной стране // Моск. новости. № 25.

Левада Ю. (2004). Свобода от выбора? Постэлекторальные размышления // Вестн. обществ. мнения. № 2 (70).

Левада Ю. (2006). Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестн. обществ. мнения. № 2 (82).

Левада-центр. (2011). О правах человека, интересах власти и общества в России.

Лор Э. (2017). Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М.

Малинова О.Ю. (2006). «Политическая культура» в Российском научном и публичном дискурсе // ПОЛИС. № 5.

Малинова О.Ю. (2007). Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // ПОЛИС. № 1.

Мартьянов В.С. (2016). Сословное государство в модерном обществе, или Борьба с российской коррупцией как проблема сокращения статусной ренты // ОНС. № 2.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. (2010). Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.

Мизес Л. фон. (2001). Теория и история. М.

Миллер А.И. (2016). Нация, или могущество мифа. СПб.

Немцов Б., Прибыловский В. (2005). Президент простой и ложный // Новая газ. № 10, 10–13 февр.

Нисневич Ю.А. (2013). Постсоветская Россия: двадцать лет спустя // ПОЛИС. № 1.

Овчарова Л. (2015). Бедность как порог // Огонек. № 28.

Павлова Т.В. (2006). Изменения в политической культуре и модели демократии // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.

Паин Э.А. (2015). Имперский национализм (Возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // ОНС. № 2.

Паин Э.А. (2016). О политической инерции в донациональном обществе // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии. Екатеринбург.

Пастухов В.Б. (2011). Бес права. Русское право как ускользающая реальность // ПОЛИС. № 2.

Пашин С.А. (2013). Отечественный суд и государство // Государство. Общество. Управление. М.

Петров Н. (2009). Политическая механика российской власти: субституты против институтов // Вестн. обществ. мнения. № 4 (102), окт.-дек.

Пригожин А. (2011). Час икс: Возрождение республики // Ведомости. № 170 (2936), 12 сент.

Розов Н.С. (2016). Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // ПОЛИС. № 1.

Российское гражданство (2003) : учеб. пособие для вузов. М.

Руденкин Д.В. (2014). Почему меняется отношение россиян к неравенству в доходах? // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Екатеринбург.

Рыжков В. (2004). Откат // Новая газ. № 68 (998), 16-19 сент.

Самсон И., Красильникова М. (2010). Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф? // Вестн. обществ. мнения. № 4 (106).

Сатаров Г. (2004). «Воруешь? Годен!» // Новая газета. № 76, 14-17 окт.

Словарь основных исторических понятий (2014) : Избранные статьи в 2 т. Т. 1. М.

Федеральный закон от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (действующая ред., 2016).

Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (действующая ред., 2016).

Федеральный закон от 23 мая 2015 года № 133-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и в Федеральный закон «О политических партиях» (действующая ред., 2016).

Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. 2016).

Федеральный закон от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»»(ред. от 03.07.2016).

Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ».

Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 01.05.2016).

Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (с изм. и доп.).

Фисун А. (2007). Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, полномочия // Отечествен. записки. № 6 (39).

Фисун А.А. (2010). К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. № 4.

Хархордин О. (2002). Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб. ; М.

Хлопин А.Д. (2006а). Микросреда – сверхценность или ресурс для самостоятельного упорядочения повседневности? // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.

Хлопин А.Д. (2006b). Российская власть и свобода // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.

Честнов И.Л. (2009). Субъект права: от классической к постклассической парадигме // Правоведение. № 3.

Шабурова О.В. (1998). Элиты // Современный философский словарь. М. ; Минск.

Шаров А. (2009). Генпрокурор вступился за бизнес // Рос. газ. 13 февр.

Шейнис В.Л. (2016). Конституционный суд в перипетиях российской истории// ПОЛИС. № 3.

Шипунова Т.В. (2016). Гражданская безопасность и насилие: российские практики // СОЦИС. № 6.

Шкаратан О.И. (2009). Становление постсоветского неозакратизма // ОНС. № 1.

Шульман Е. (2014). Законотворчество как политический процесс. М.